

Эти люди все как один годами тренировались вместе, проходили через нечеловеческие испытания, не раз были на грани жизни и смерти. Их связывали узы, крепче родства: не по крови, но по братству. А уж поскольку все они были воинами, прямыми, громогласными, с характером порой необузданным, в разговорах себе ни в чём не отказывали, ни в шутках, ни в крепких словечках.

Чэн Дафу и Юй Ютянь как раз были из таких. Стоило им встретиться, как начинался словесный бой без лишних прелюдий.

Чэн Дафу скосил на товарища взгляд, усмехнулся с презрительным фырканьем:

— Нищесброд, ты, похоже, вообще не в курсе. Слышал когда-нибудь о молочном порошке? В столице за него уже целый лян серебра за шэнь просят, и то не купишь.

— Всё равно сосунок! — не унимался Юй Ютянь, хоть и подначивал, а сам уже подлез поближе, чтобы стащить у друга флягу и хлебнуть хоть глоток. Ни капли не брезгуя, прямо к горлышку потянулся.

Но Чэн Дафу мгновенно отдернул флягу и плотно закрутил крышку.

Юй Ютянь с досадой заорал:

— Давай спорить! Бросаемся! Кто проиграет, тот отдаёт флягу!

— Думаешь, боюсь тебя? Давай сюда! — буркнул Чэн Дафу.

Правда, в драке у Юй Ютяня против него шансов было немного, об этом все знали.

И вот пока они мерялись силами, почти все, кто в этот день был не на дежурстве из состава императорской гвардии, собрались посмотреть на потасовку. Скучные минуты отдыха внезапно стали куда веселее.

Юй Ютянь был ниже Чэна Дафу почти на голову и заметно худее. С самого начала поединка стало понятно - у него мало шансов. Несколько схваток, и он уже начал проигрывать, тяжело дыша под напором противника. Но тут Юй Ютянь хитро прищурился и сделал знак кому-то за спиной Чэна. Тот - свой человек - едва заметно кивнул и незаметно выставил вперёд здоровенную ногу. Лёгкая подножка, и Чэн Дафу, потеряв равновесие, с грохотом рухнул на землю, а Юй Ютянь сел сверху прямо ему на спину.

— Хахаха! Я победил! Победил! — радостно закричал он, вскакивая на ноги, торжествующе вытянув руки к небу.

Чэн Дафу, вскипев, вскочил:

— Это нечестно! Меня кто-то подставил! Кто? Пусть выйдет! Давай честно, по-мужски!

— Что значит «по-мужски»? — прищурился Юй Ютянь, делая вид, что его это вовсе не касается. — Проиграл - признай. Говоришь, тебя подставили? Ну так покажи, кто это сделал! Где он? Кто именно?

А как он мог знать? Ведь подножка была сзади, сам Чэн ничего не видел.

Юй Ютянь с наглой ухмылкой добавил:

— Раз не можешь назвать, считай, проиграл!

— Не признаю! Этот раунд не в счёт! — упрямо буркнул Чэн Дафу.

— А вот и в счёт! — выкрикнул Юй Ютянь и обернулся к остальным: — Братья! Вперёд!

В следующую секунду на Чэна Дафу обрушилась целая гора тел - один за другим гвардейцы с криками повалились на него, будто играли в живой «пирог». Все целились только в одно - отобрать злополучную флягу с молочным напитком.

Юй Ютянь, отпивая молочный напиток из фляги, с наслаждением наблюдал, как Чэн Дафу, прижатый к земле, сверлит его взглядом, полным ярости и негодования. Но для Юй Ютяня этот взгляд был как услада для глаз - он упивался триумфом, и молоко казалось ему от этого ещё вкуснее.

— Теперь понятно, почему эти учёные так это любят, — с притворным восхищением вздохнул он. — И правда вкусно. Наслаждаться они умеют, вот кому не откажешь.

Он повернулся к Чэн Дафу и, деловито, будто ведёт переговоры, предложил:

— Слушай, Дафу, давай договоримся. Ты достанешь каждому из нас хоть по чуть-чуть, и мы тебя отпустим. Что скажешь?

— Ты вообще в своём уме? — прорычал Чэн Дафу. — Ты хоть знаешь, как сложно сейчас это достать? Да мне только потому и перепало, что у меня отец - шилан из военного министерства! А это вообще учёные придумали, не для военных. Как ты себе представляешь, чтобы я всем раздобыл?!

Юй Ютянь выразительно нахмурился, надул губы и, тяжело вздохнув, сказал тоном

трагического героя:

— Ах, Дафу... Ты стойко не сдаёшься... Что ж, не вини нас тогда. Братья! Бей его!

И сам же первым ринулся обратно в кучу, присоединившись к всеобщему хаосу. Тут уж драка перешла в настоящую неразбериху, где никто уже не понимал, кто с кем, за что, и зачем.

Особняк торговца Цао Чжи, столичный торговый квартал.

Молоденький слуга бережно накинул на плечи своему господину изысканный хэчан (мужское парадное пальто с длинными рукавами), радостно, почти с ликованием, сказал:

— Господин, в этом году титул шаншоу* столицы наверняка достанется вам. Ну кому, кроме вас? За вами ведь такой покровитель стоит, никто приблизиться не может!

(ПП: шаншоу - глава торговой гильдии)

Цао Чжи был в превосходном настроении.

— Разумеется, — с самодовольной улыбкой откликнулся он.

Он был не просто столичным торговцем, он носил титул императорского купца, пожалованный лично государем. В столице не было другого такого, кто мог бы сравниться с ним. Кто, кроме него, мог претендовать на звание шаншоу столицы?

С такой уверенностью Цао Чжи отправился в уважаемый ресторан, где должны были собраться для обсуждения кандидатуры на титул шаншоу. Когда он прибыл, все уже были в сборе. Он явился с опозданием, но никто даже не подумал его упрекнуть, напротив, все как по команде бросились встречать его, кто с лживой любезностью, кто с подчёркнутой вежливостью, кто с откровенным подхалимством.

Цао Чжи держался сдержанно-надменно, с лёгким оттенком отчуждённого превосходства, отвечал на приветствия так, будто осыпал милостью. После круга дежурных приветствий, когда все расселись, слуга ресторана поднёс редкий и дорогой чай. Но в этот момент его внезапно остановил другой торговец по имени Чжоу Юцянь.

— Чай, конечно, хороший, — лениво сказал тот, — но для нас, столичных купцов, такая вещь не редкость. А вот я слышал, что в последнее время в столице стало популярно одно угощение - молочный порошок. Принесите-ка нам по несколько чаш того напитка, попробуем, что за новинка.

Официант остолбенел. Перед ним сидели именитейшие купцы столицы, каждый из которых был влиятельным человеком. Если не угодить хотя бы одному - всё, карьере конец. Но дело в том, что... у них просто нет молочного порошка. Более того, не то что в этом ресторане, во всей столице его купить было невозможно. Даже знатные вельможи не могли достать его, не то что обычные заведения!

Официант вытер холодный пот со лба и с жалобным видом проговорил:

— Господин, этот самый молочный порошок - редчайшая вещь, в нашем заведении его, честное слово, и в помине нет...

Чжоу Юцянь презрительно фыркнул:

— Разве это не тот самый ресторан, что хвастает званием величайшего в столице? И вы даже молочного порошка не достали? Да это просто позор!

Официант был близок к тому, чтобы встать на колени и умолять о пощаде. Но тут один из присутствующих купцов поспешил сгладить ситуацию, встав на его защиту:

— Возможно, господин Чжоу, как человек новый в столице, ещё не вполне осведомлён о здешнем положении дел. Молочный порошок, конечно, сейчас в моде, но достать его почти невозможно. Даже высокопоставленные чиновники не всегда могут купить, даже имея серебро в руках, его не получить.

Эта фраза, хоть и сказана учтиво, по сути была насмешкой: намекая, что Чжоу Юцянь - чужак без связей, и потому не в курсе столичных реалий.

Тут же кто-то из гостей поддакнул:

— У господина Чжоу, наверное, пока ещё нет прочных корней в столице, поэтому он не осведомлён о тонкостях. Но этот порошок и впрямь крайне редок. То, что в ресторане его нет - совершенно нормально. Не стоит из-за этого придирается к слуге.

Однако Чжоу Юцянь только холодно хмыкнул, не отпуская беднягу официанта.

В глубине зала уже послышались сдавленные смешки, кто-то не сдержал язвительный внутренний комментарий: «Деревенщина приехала, ничего не знает, услышал новое слово и уже требует. Понятия не имеет, насколько этот порошок на вес золота. Да если бы у него была хоть капля связей в столице, давно бы знал, что даже чиновникам далеко не всем достаётся. Тут не в серебре дело, тут в чинах!»

Раз Чжоу Юцянь даже об этом не знал, стало быть, в столице он действительно никто.

— Раз уж господин Чжоу не верит нашим словам, — раздался чей-то насмешливый голос, — то, быть может, поверит словам господина Цао? В столице ведь всем известно, какие у него связи...

Цао Чжи, за которым действительно стояли влиятельные покровители в столичной знати, был негласным фаворитом на звание шаншоу среди торговцев. Все присутствующие прекрасно это понимали, и потому его слова воспринимались как истина в последней инстанции.

Цао Чжи, не спеша, медленно проговорил, сдержанно, но с лёгким оттенком важности:

— Всё сказанное - чистая правда. Более того, по достоверной информации, молочный порошок впервые распространился из Академии Ханьлинь. Говорят, туда его привёз один из учёных, получив в дар от друга. Происходит он, по слухам, из Западных земель. Сейчас множество купцов уже начали втайне налаживать связи с западными торговцами, надеясь на сотрудничество. Но, увы, пока никто не нашёл ни одного, кто знал бы, о каком именно продукте идёт речь.

Эти слова прозвучали как окончательный приговор.

Чжоу Юцянь был словно пригвождён к позорному столбу. Взгляды, которые бросали на него со всех сторон, стали ещё более насмешливыми, а в некоторых - откровенное презрение. Люди переглядывались, кто-то хмыкал, кто-то криво усмехался, будто говоря: «Ну точно деревенщина. И кто его сюда вообще пустил?»

Некоторые, не стесняясь, открыто встали и пересели подальше от Чжоу Юцяня, будто боялись заразиться его невежеством. Выражение лиц стало совершенно однозначным: «Ты здесь чужой. И места тебе рядом с нами нет».

Так, среди утончённых и расчетливых столичных купцов, один самонадеянный чужак был публично унижен - не криком, не дракой, а вежливо, холодно и без пощады.

Цао Чжи, видя, что достиг желаемого эффекта, нарочито кашлянул пару раз, приняв важный и великодушный вид главы торговцев, и сказал:

— Впрочем, вины господина Чжоу в этом нет. Он ведь только недавно прибыл в столицу, многое пока незнакомо. Это нормально. В будущем мы, надеюсь, все сможем помочь ему разобраться. Всё-таки столица - не то же самое, что прочие места. Здесь полным-полно высокородных особ. Если случайно сказанным словом задеть какого-нибудь влиятельного человека, последствия могут быть очень неприятными.

Чем более покровительственно говорил Цао Чжи, тем сильнее у остальных укреплялось мнение: Чжоу Юцянь - чужак без связей, без поддержки, и относиться к нему следует соответствующе - с отчуждением.

Цао Чжи был доволен. Именно этого он и добивался. Кто такой Чжоу Юцянь? Всего лишь какой-то новичок, который посмел появиться в столице, да ещё и вести себя не так, как положено, без привычного для всех заискивания перед ним, Цао Чжи. Мало того, что он не льстил, так ещё и вёл себя, будто вовсе не считает Цао важной персоной! Самое время поставить его на место. Пусть поймёт: столица - это его, Цао Чжи, территория. А здесь даже дракон должен свернуться кольцом, не то что какая-то выскочка.

— Ну что ж, — продолжил Цао Чжи, выдержав паузу, — не будем больше говорить об этом. Ради меня, прошу, оставим эту тему. Перейдём к главному. Что касается нынешнего собрания и выбора главы гильдии...

Он ещё не успел закончить фразу, как вдруг кто-то его перебил. Причём этим кем-то снова оказался Чжоу Юцянь, тот самый, которого, казалось бы, уже полностью лишили и достоинства, и влияния.

В зале воцарилась тишина.

- Мне вот кажется, что эта ваша штука вовсе не такая уж редкость, как вы тут расписываете, — лениво откинувшись на спинку кресла, небрежно бросил Чжоу Юцянь.

Один из самых преданных прихвостней Цао Чжи тут же вскинулся, недовольно воскликнув:

— Раз вы говорите, что молочный порошок - вовсе не редкость, так покажите нам, убогим деревенщинам, эту редкостную диковину! Озарите, так сказать, нас своим познанием!

Первоначально нейтрально настроенные купцы, услышав такое самодовольное высказывание Чжоу Юцяня, тоже начали выражать недовольство:

— Мы ведь все, как видно, тут с окраин да захолустьев, ничего в жизни не видели. Так просим, господин Чжоу, продемонстрировать нам тот самый порошок, дабы расширить наши горизонты.

— Да вы, поди, и сами не знаете, как он выглядит, только где-то краем уха услышали про «молочный порошок», вот и пришли тут пыль пускать. Только знайте: таким хвастовством вы вовсе не кажетесь знающим человеком, наоборот, все видят, что вы пустышка, не нюхавшая столичной жизни.

— Неужели торговая палата опустилась до такой степени, что уже каждого берёт?

— Его нужно гнать в шею. И впредь строго проверять участников. Без связей и влияния в столице не пускать!

- Точно...

- Давно пора так сделать...

Купцы наперебой разражались упрёками, кто громче, кто язвительнее. Казалось, ещё немного, и слюна из их гневных речей забрызгает самого Чжоу Юцяня, если бы тот не прикрывался рукой.

Цао Чжи, дождавшись нужного момента, наконец заговорил, состроив деланное затруднение:

— Господин Чжоу, гляди... все тут так возмущены, может, ты всё же сам уйдёшь по-хорошему?

Чжоу Юцянь даже не удостоил его взглядом, лениво заметив:

— Вы, взрослые люди, а визжите, как торговки на рынке. Остыньте, а то от переживаний сердце прихватит. Я же не говорил, что не угощу вас.

— Да если бы у тебя было хоть капля стыда, ты бы сам вышел! А то сейчас охрана выкинет и опозоришься на весь город. После этого можешь о бизнесе в столице забыть! — один из купцов продолжал его поучать, но на середине вдруг замер, как будто током ударило.

— Что... что ты сейчас сказал? — он вытаращил глаза, явно ошарашенный. — Неужели... у тебя есть молочный порошок?!

Чжоу Юцянь скользнул по нему насмешливо-холодным взглядом, криво усмехнулся и лениво бросил:

— На, держи. Завари кипятком.

Он развязал поясной мешочек из парчи и швырнул его вперёд. Прежде чем официант успел подойти, кто-то из купцов оказался быстрее и тут же, торопливо, развязал мешочек. Все вокруг мгновенно притихли.

Мешочек действительно был полон молочного порошка.

Тот, кто его открыл, словно окаменел: ему показалось, будто его при всех смачно отхлестали по лицу. Остальные тоже столпились, заглянули и один за другим застыли с лицами, на которых смешались шок, недоверие и стыд.

Когда официант наконец заварил порошок и подал угощение, Чжоу Юцянь расплылся в улыбке:

— Прошу, господа, угощайтесь. Не стесняйтесь. Это я, деревенщина, что ни разу не видел

света, приглашаю вас отведать обычной домашней еды. Ничего особенного, — голос его капал медом, а каждый слог жал, как игла.

Выражения лиц за столом были... многоцветны. И чем дальше, тем мрачнее. А настроение Чжоу Юцяня, напротив, всё росло.

Лишь у Цао Чжи лицо побледнело, как бумага, а зубы, казалось, скрипели от ярости.

Теперь официант глядел на Чжоу Юцяня с почтительной опаской. Он понял, что этот человек - не просто богач. Кто может в такое время спокойно и открыто достать молочный порошок? Только тот, кто стоит за спинами самых влиятельных людей империи.

— Э... господин Чжоу, — робко заговорил он, — тут... немножко порошка осталось. Что прикажете с ним сделать?

Чжоу Юцянь широким жестом махнул рукой:

— Награда тебе. Раз уж не видел никогда - возьми, попробуй.

Официант, едва сдерживая радость, поспешно опустился на колени и благодарил за щедрость. А лица присутствующих купцов превратились в настоящие палитры - злость, зависть, унижение, досада.

И вот, казавшийся уже решённым вопрос с назначением шаншоу, в одночасье рухнул. Титул достался какому-то «деревенщине», появившемуся будто ниоткуда.

Но как бы они ни злились, как бы ни кипели, Цао Чжи не посмел пойти против Чжоу Юцяня напрямую. Потому что человек, который в нынешнее время спокойно распоряжается молочным порошком и щедро его раздаёт, точно стоит под чьим-то высоким покровительством. А у Цао Чжи не было уверенности, что его собственный покровитель сильнее.

В столице, где даже вывеска, упавшая со стены, могла убить чиновника, рисковать не стоило. Потому все, кто ещё вчера льстили Цао Чжи, сегодня беспринципно переметнулись на сторону Чжоу Юцяня, мгновенно переиграв результаты выборов шаншоу.

Цао Чжи вернулся домой с ужасным настроением. Только поздним вечером он решился написать своему покровителю. Но даже тот, выслушав про Чжоу Юцяня и то, как тот просто так достал молочный порошок, выглядел крайне настороженно...

— Этим делом я займусь. Ты пока не трогай его, подожди, я выясню, кто он такой.

— Понял.

О бурях, бушующих в столице, Цинь Хэ, находящийся в городе Дишуй, и слухом не слыхивал. А если бы знал, спал бы с улыбкой до ушей. Удача словно обрушилась на него с небес, не нужно было даже тратиться на рекламу, всё сделали за него сами «доброжелатели».

В это же время местный фуинь получил письмо от своего давнего товарища по экзаменам - Чжао Юаня из столицы. Сначала шли благодарности, затем немного воспоминаний о прошлом, и в конце просьба: если возможно, прислать ещё десять ши молочного порошка в столицу.

Фуинь и не думал отказывать. Его пост хоть и важен, но как у отдалённого чиновника, не мог сравниться с положением тех, кто служил при самом императоре. Иногда даже одно слово приближённого человека стоило больше, чем годовые заслуги.

Он немедленно отдал распоряжение своему слуге:

— Иди в дом Куй и передай: это от моего имени. Пусть сначала изготовят те пятнадцать ши, что я заказал, а все прочие заказы отложат. Если кто-то вздумает жаловаться, пусть ко мне приходят разбираться. Все потери я компенсирую: по полной стоимости плюс ещё двадцать лян серебра сверху!

Фуинь нарочно заказал на пять ши больше, чем просил Чжао Юань.

Слуга отправился было в дом Куй У, но никого не нашёл. После расспросов выяснил, что все сейчас находятся на уличной торговле, под навесом...

Слуга не посмел вести себя надменно. Он вежливо приподнял занавес и с улыбкой вошёл:

— Я пришёл поздравить господина Куй-далана с хорошими вестями!

Куй У вежливо ответил парой формальных фраз, а затем спросил:

— Осмелюсь спросить, откуда ты?

Слуга поспешно ответил:

— Я - слуга уездного главы, господина фуиня. Меня прислали с поручением - договориться о поставке молочного порошка.

Цинь Хэ от радости даже подпрыгнул. А слуга продолжил:

— Наш господин хочет заказать пятнадцать ши молочного порошка, срочно отправить в столицу. Он просит, чтобы вы отложили все прочие заказы и сначала изготовили этот.

В столицу! Это означало, что молочный порошок действительно пользуется большим спросом в верхах, и бизнес идёт в гору.

Но Куй У всё же немного помедлил и с трудом проговорил:

— Но... я уже подписал договоры с другими заказчиками, и...

Слуга улыбнулся:

— Не беспокойтесь. Наш господин сказал: если кто-то останется недоволен, пусть приходят к нему. Все убытки он компенсирует в полном объёме, плюс двадцать лян серебром сверху, как знак извинения.

Поскольку все рецепты и изготовление молочного порошка контролировал лично Цинь Хэ, Куй У не стал сразу соглашаться. Он обернулся к супругу, и тот чуть заметно кивнул.

Тогда Куй У сказал:

— Раз господин фуинь сам так распорядился, мы можем быть спокойны. Однако должен предупредить: производство молочного порошка - процесс трудоёмкий и сложный. Нужны люди, нужно время. Надеемся, господин отнесётся с пониманием.

Когда Куй У так объяснял, Цинь Хэ уже достал полгуаня и отдал их слуге, а также велел упаковать полную порцию фуюнцзы, угостил его ещё и жареными шуйцзяньбао с начинкой и бульоном из бараньих потрошков.

Слуга был более чем доволен угощением и щедростью, вернувшись назад, он сказал о семье Куй только хорошее и даже намеренно преувеличил сложность производства:

— Похоже, для изготовления молочного порошка нужно ещё и сушить что-то на солнце... Это ведь не дело рук человеческих, а зависит от воли Небес. Если будет ясная погода, изготовят быстрее, если пасмурно и солнца нет - всё задержится на несколько дней. Сейчас ещё и зима, с солнцем совсем туго, тут уж ничего не поделаешь.

Заметив, что фуинь немного нахмурился, слуга тут же добавил:

— Если вы, господин, станете на них давить, и они в страхе начнут халтурить, лишь бы побыстрее сделать... тогда порошок, может, и изготовят, но вот качество его будет хуже, чем если бы вообще не делали. Это ведь вещь для важных людей, как попало не пойдёт.

Фуинь, услышав такое объяснение, перестал сердиться на задержку, понимая, что дело зависит от погоды. Он сам не раз сталкивался с тем, что не всё решается даже властью, например, сушка риса в сезон дождей также требует солнца.

Он кивнул и приказал:

— Хорошо, я понял. Передай семье Куй: можно делать партиями, можно позже. Но качество обязательно безупречное! Если хоть раз посмеют подменить или сделать некачественно, я сотру их в порошок!

— Есть! — ответил слуга.

А в это время Цинь Хэ после утверждения заказа, велел Куй У пройтись по домам, где уже были взяты предварительные заказы, всё честно объяснить: мол, фуинь сам пришёл с государственной нуждой, просит отдать ему в приоритет. Он также добавлял: «Мы готовы компенсировать неудобства», и потому большинство заказчиков, хоть и с досадой, но согласились, ведь с властями никто не хотел ссориться, особенно если платят компенсацию. В конце концов, это ведь не вина семьи Куй. Если сам фуинь отдал распоряжение, разве Куй посмели бы ослушаться?

А для семьи Куй это вообще не убыток: ведь фуинь пообещал компенсацию, и все затраты они честно расписали, подав на возмещение. Фуинь, будучи человеком щедрым, увидел, что нужно всего двадцать-тридцать лян серебра, и не раздумывая, выплатил.

Цинь Хэ, обсудив всё с Куй У, сказал:

— Далан, помоги мне дома, пожалуйста, я один не справляюсь. Производство молочного порошка само по себе несложное, но теперь объёмы слишком большие. Хоть кто с нами поработает, быстро научится. Но я другим не доверяю, только тебе могу поручить.

Куй У кивнул:

— Хорошо. Но на лотке осталась только Сяохуа да Фэн-шисао, две женщины, я за них волнуюсь. Надо кого-то туда поставить.

Цинь Хэ подумал:

— Пусть Чу Дачжуан и Нин Чэнши чередуются на лотке. А заодно их можно будет разделить и направить собирать молоко. С каждым днём нам нужно всё больше, и даже мелкие подворья теперь важны.

— Тогда ладно, когда они принесут молоко, я им всё объясню. Пусть ещё постараются привлечь побольше поставщиков. Нам сейчас нужен любой надёжный источник молока.

Позже Цинь Хэ объяснил всё младшей сестре Куй и Фэн-шисао:

— Завтра я уже не смогу прийти в ларек, теперь вам придётся держать всё на себе. Чу Дачжуан и Нин Чэнши - братья далана, не бойтесь, если что - зовите их. А ещё можете смело отдавать им поручения: чай подать, чашки помыть, полы вытереть - всё сделают. Правда, поначалу они будут путаться, ничего не понимать, но вы научите, и всё пойдёт как по маслу.

Куй Сяохуа сказала:

— Невестка, не беспокойся, я уже освоилась со всеми делами в этом ларьке, всё могу устроить как надо, тебе волноваться не о чем, просто выполняй поручения, что дал господин фуинь.

Цинь Хэ, по правде говоря, вполне доверял Куй Сяохуа: по характеру она была очень похожа на своего старшего брата. Только Куй У - мужчина, в нём больше твёрдости, а Сяохуа - девушка, и в глубине души всё же остаётся женственной. Но оба они достаточно сообразительны, и Сяохуа вполне способна справиться с делами на торговой точке.

Вечером братья из семьи Куй пришли принести молоко, и Куй У тут же рассказал об этом деле Чу Дачжуану и Нин Чэнши. Оба, не раздумывая, сразу согласились, даже не поинтересовавшись, как будет делиться выручка.

Тогда Куй У сам добавил:

— Ту долю, что должна быть вашей с доставки молока, я возьму из своих средств. А тут, на точке, ежедневно будете получать дополнительно по пятнадцать вэнь за работу, с едой.

Эти пятнадцать вэнь и еда по сути шли в придачу, ведь их доля от продажи коровьего и овечьего молока и так оставалась неприкосновенной. И хотя поначалу Чу Дачжуан и Нин Чэнши хотели отказаться, под напором твёрдого настояния Куй У они всё же с радостью согласились, и потому стали относиться к делу ещё более старательно.

<http://bllate.org/book/13598/1205853>